
«...НЕ ВРЕМЯ ИЗУЧАТЬ ПОЛИТИКУ,
КОГДА НУЖНО ОДЕРЖИВАТЬ ПОБЕДЫ»:
Н.В. ЧАРЫКОВ НА РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877–1878 гг.
ПИСЬМА К ОТЦУ

Предисловие, подготовка текста и комментарии Л.А. Пуховой

Судьба российского дипломата Николая Валерьевича (Валериановича) Чарыкова примечательна во многих отношениях. В течение своей жизни он принимал активное участие во многих важных исторических событиях, еще большему он был свидетелем. Отправившись в 22 года добровольцем на войну с турками, заслужил там два солдатских Георгиевских креста и получил тяжелое ранение. В 1881 г. он видел, как толпе у Зимнего дворца объявили о смерти Александра II, и ходил на место взрыва, а затем стоял в карауле у гроба императора. В 1884 г. он проехал через туркменские пески с отрядом генерала А.В. Комарова, экспедиция которого закончилась присоединением Мерва к Российской империи. Затем три года он был главным представителем России по дипломатической линии в полной еще средневековых порядков Бухаре и способствовал приходу к власти эмира-реформатора Сеид Абдул Ахада (1885–1910). Чарыков возглавлял дипломатические представительства России в разных столицах — от Константинополя до Ватикана; в 1903 г. в Белграде видел из окна российского посольства, как во дворце заговорщики убили короля Александра и королеву Драгу и свергли династию Обреновичей, а в 1905 г. он принимал самое активное участие в организации знаменитой Гагской конференции. В 1908 г. он выступал перед Государственной думой, являясь товарищем министра иностранных дел и на тот момент исполняя обязанности министра. А в 1912 г., будучи тогда послом в Константинополе, был отправлен в отставку. В 1918 г. он участвовал в деятельности Крымского правительства М.А. Сулькевича и вместе со своим старшим сыном едва не был расстрелян революционными матросами.

После революции 1917 г. Чарыков с семьей довольно быстро эмигрировал в Турцию, где приобрел небольшой дом под Константинополем (в котором он и скончался в 1930 г.) и стал вести тихую и почти незаметную жизнь. По всей видимости, он почти не поддерживал отношений со своими коллегами по дипломатическому цеху и фактически выпал из поля зрения историков, занимающихся изучением российской эмиграции, истории международных отношений, дипломатии и внешней политики второй половины XIX — начала XX в. Хотя Чарыков и занимал ряд важных постов, но, как это нередко бывает с дипломатами, историки мало упоминают о нем, потому что их главное внимание все равно направлено на деятельность более важных внешнеполитических агентов — канцлера и императора. На склоне лет, будучи в эмиграции в Турции, он подробно

описал свою жизнь в мемуарах. В них он рассказал об исторических событиях, которыми была так богата его жизнь. И лишь последние десять лет фигура этого во многих смыслах выдающегося дипломата стала объектом специального изучения¹.

* * *

Николай Валерьевич родился 10 сентября 1855 г. в селе Новая Григорьевка Александровского уезда Екатеринославской губернии в семье тайного советника Валерия Ивановича Чарыкова (1818–1884), в будущем вятского (1869–1875) и минского (1875–1879) генерал-губернатора, и Аделаиды Дмитриевны, дочери самарского помещика Дмитрия Азарьевича Путилова². Крестной матерью Николая стала графиня Елена Дмитриевна Канкрина³.

В 1866 г. отец Николая отправил своего сына учиться в Королевскую высшую школу Эдинбурга, где некогда обучался Вальтер Скотт. Как вспоминает Николай Валерьевич, это решение было вызвано тем, что отец был глубоко разочарован образованием, вроде бы и неплохим по тем временам, которое получил⁴. Николай с детства был слаб здоровьем (сам он вообще не рассчитывал прожить долго⁵), и его отцу удалось получить для него заграничный паспорт под предлогом необходимости выехать на лечение⁶. (Надо заметить, впрочем, что Н.В. Чарыкову действительно, помимо всего прочего, вполне удалось поправить там здоровье.)

Год спустя после окончания Императорского Александровского лицея, в 1875 г. Николай Валерьевич поступает на службу по ведомству Министерства иностранных дел и становится третьим секретарем канцелярии МИД.

Необходимо отметить, забегая вперед, что помимо дипломатической деятельности много внимания Николай Валерьевич уделял изучению истории и написанию исторических исследований⁷. Кроме того, чрезвычайно интересными являются мемуары Чарыкова, опубликованные в Лондоне в 1931 г.⁸, а также воспоминания-статьи, депеши и письма Николая Валерьевича. В этом же ряду источников личного происхождения находятся и письма Николая Валерьевича отцу (корпус которых начал складываться во время обучения Николая Валерьевича в Эдинбурге), хранящиеся в Государственном архиве Самарской области⁹. Будучи не только активным участником многих событий, но и весьма талантливым писа-

¹ См., напр.: *Аранов Д.Ю.* Русский посол в Турции Н.В. Чарыков и его «заклЮчение» по «мусульманскому вопросу» 1911 г. // Вестник Евразии. 2002. № 2 (17); *Чернов О.А.* Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н.В. Чарыкова. Самара, 2009.

² См.: Государственный архив Самарской области (далее — ГА СО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 16. Л. 34.

³ См.: *Tcharykow N. V.* Glimpses of high politics. L., 1931. P. 28.

⁴ См.: *Ibid.* P. 75.

⁵ См.: *Ibid.* P. 28.

⁶ См.: *Ibid.* P. 77.

⁷ За одно из них — «Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия (1637–1694 гг.)» (СПб., 1906) — Н.В. Чарыков был удостоен Уваровской премии.

⁸ См.: *Tcharykow N. V.* Glimpses of high politics.

⁹ ГА СО. Ф. 143. Оп. 1.

телем, Чарыков зачастую представляет оригинальную точку зрения на описываемые им события.

В 1877 г. успешно начатая дипломатическая карьера Николая Валерьевича была на некоторое время прервана Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. В своих воспоминаниях Чарыков подробно освещает, в каком сложном и неоднозначном положении оказалось императорское правительство в ситуации, когда славянские комитеты с началом восстания в Болгарии в апреле 1876 г. начали снабжать повстанцев оружием, отправляя туда из России офицеров болгарского происхождения, а с началом восстания сербов и черногорцев уже и «толпы добровольцев всех сословий... стремились в Сербию и Черногорию, чтобы встать в ряды бойцов за славянское дело и принять участие в освободительном их подвиге»¹⁰. Николай Валерьевич принимает решение отправиться на фронт добровольцем. В воспоминаниях он лишь вскользь говорит о причинах своего решения, но письма более выпукло показывают, как он его принимал, какими руководствовался мотивами, насколько серьезно воспринимал свое решение и его потенциальное влияние на дальнейшую дипломатическую карьеру. В этом смысле письма Н.В. Чарыкова отцу представляют довольно интересный источник, поскольку такого рода переживания не так часто находят отражение даже в таких материалах, как воспоминания, а если и находят, то — по понятным причинам — зачастую в искаженном виде. Именно с первого письма отцу, в котором он обосновывает свое решение, и начинается наша публикация.

Чарыков поступил в лейб-гвардии Гусарский полк, и в октябре 1877 г. полк прибыл к месту боевых действий. В течение следующих трех месяцев несколько раз принял участие в боевых действиях. Его первый бой состоялся 12 (24) октября 1877 г. при штурме укрепления Телиш в рамках основной задачи перерезать дорогу из Плевны в Софию и тем завершить блокаду Плевны. В тот день попытка взять Телиш была отбита с большими потерями для русских войск, и хотя основные потери пришлось на штурмовавшую укрепление пехоту, конница, в которой находился Чарыков и задача которой состояла в том, чтобы прикрывать главный бой от возможных неожиданных маневров турок, также некоторое время находилась под обстрелом и понесла потери. Чарыков был произведен в унтер-офицера за два дня до того, а во время боя, сменив раненого офицера, был назначен на этот день командующим взводом. Телиш был взят 16 (28) октября, при этом Чарыков участвовал в ближнем бою с группой турок, сделавшей попытку сбежать из окружения.

12 (24) декабря Чарыков участвовал в рекогносцировке подходов к Чурьякскому перевалу, по которому вскоре основные силы русской армии перешли Балканский хребет. Здесь он также командовал взводом. Разведка натолкнулась на встречное движение довольно значительных турецких войск, и основной задачей взвода стало прикрытие начальника штаба третьей гвардейской пехотной дивизии полковника К.Н. Ставровского, который проводил основную работу прямо на пути движения турок. С этой целью Чарыков обратил на себя и свой взвод

¹⁰ *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 673.

внимание турок и некоторое время держался под сильным обстрелом, хотя сам не имел возможности открыть огонь.

После перехода через Балканы Чарыков находился в авангарде войск, наступавших на Филиппополь. 2 (14) января 1878 г. он был тяжело ранен в плечо в стычке с турецкими войсками у деревни Строево и так покинул действующую армию. За разведку у Чурьяка был награжден солдатским Георгиевским крестом четвертой, а за стычку у Строево — третьей степени. По окончании войны был произведен в офицеры своего полка и в числе других раненых офицеров удостоен приема у императора¹¹.

В своих воспоминаниях он описывает возвращение к мирной жизни — визит к отцу: «Войдя в прекрасный губернаторский особняк, я снял свой плащ, и сидел, разговаривая с отцом и мачехой в гостиной, и вдруг мой отец спросил меня: “Тебе что ли холодно, что ты не снимаешь свою овчину?” Только тогда я вспомнил, что есть ведь и отапливаемые комнаты в этом мире, которого не было у меня так долго»¹².

* * *

Письма Николая Валерьевича с войны позволяют увидеть события Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. с точки зрения человека, лично принимавшего в ней участие. Участие в войне Чарыков весьма подробно описывает и в своих мемуарах, однако его письма дополняют воспоминания, и их публикация представляется интересной и полезной для изучения архивного наследия как Николая Валерьевича, так и русской эмиграции в целом.

Кроме того, письма Николая Валерьевича с фронта во всей красе рисуют картину довольно, по нынешним меркам, странного для действующей армии финансового и бытового положения добровольца. В своих воспоминаниях Чарыков только упоминает, что «никому из добровольцев не полагалось довольствия от правительства, и мы должны были сами о себе заботиться»¹³, однако письма раскрывают эту сторону. В них содержатся и нередкие отсылки к хозяйственным делам наследственного поместья Николая Валерьевича — Богдановки, указания о способах переправки денег ему в действующую армию в Болгарию и т. д. Эти письма показывают, насколько глубоко был вовлечен в дела поместья в отдаленной Самарской губернии дворянин, находящийся на службе по дипломатическому ведомству в Петербурге.

* * *

Письма публикуются впервые. В настоящую публикацию вошли письма Н.В. Чарыкова с 24 июля по 25 декабря 1877 г. Публикация писем осуществляется по оригиналам, хранящимся в Государственном архиве Самарской области (ГА СО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80). Все письма написаны на русском языке. Текст писем

¹¹ См.: *Tcharykow N. V. Glimpes of high politics*. P. 111.

¹² Ibid. P. 141–142.

¹³ См.: Ibid. P. 118.

приведен в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации, однако авторские стилистические особенности сохранены. Одна из особенностей писем — нередкие сокращения слов, которые раскрываются в угловых скобках. Вставки публикатора передаются в квадратных скобках; подчеркивания в документах — курсивом. Общепринятые сокращения не раскрываются.

1

24 июля 1877 г.
Санкт-Петербург

Дорогой отец¹,

Ты знаешь, что гвардия мобилизована и что созван первый разряд ополчения. Ты также знаешь теперешнее военное и политическое положение наше в настоящей войне.

Я основательно долго и разносторонне обдумал то значение, которое эти обстоятельства могут и должны иметь для России и для меня лично.

По отношению к России — я пришел к убеждению, что ныне наступает решительный момент в теперешней борьбе, от которого зависит исход этой войны и самым глубоко неизбежным образом судьба восточного вопроса и будущее благоденствие России. В этот момент Россия должна оказаться возможно сильной и победить — или же на долгое время — может быть, навсегда, — страдать и терзаться. Я верю, что она не погибнет, даже если эта война будет несчастлива, но я не менее глубоко убежден, что, победи она теперь так, как она может победить, то ее могущество, слава и счастье будут надолго обеспечены.

Я чувствую и осознаю, что мой долг — по мере моих сил способствовать этому результату.

Между тем моя же теперешняя деятельность в Канцелярии М<инистерст>ва ин<остранных> дел и даже моя самарская — земская деятельность — не дает мне возможности принести всю эту непосредственную и практическую пользу, которую я хочу принести. В Канцелярии я — с одной стороны — занят механической канцелярской работой, которая, конечно, полезна и необходима, но которую и без меня точно так же успешно исполняют остальные 14 секретарей и атташе. С другой стороны — и это действительно важно — я изучаю основательно и правильно внешнюю политику России². Но не время изучать политику, когда нужно одерживать победы.

В Самаре, ты сам знаешь, что, не будучи даже гласным, я большой, даже косвенной, пользы теперешнему всероссийскому делу не могу принести.

Вместе с этим неожиданно возникли обстоятельства, исключительно благоприятствующие к тому, чтобы я, вступив в ряды действующих войск, мог иметь честь находиться в числе тех, кто употребляют действительно свои силы и кладут — иногда — свою кровь и свою жизнь ради счастья и славы своего отечества — России.

Эти обстоятельства заключаются в следующем:

в числе других гвардейских полков, отправляющихся на Дунай, выступает и лейб-гвардии Гусарский полк. В этот полк поступил весной этого года, окончив Лицей, молодой барон Бюлер³ — ты его помнишь. Поэтому я бывал часто в этом полку в Царском и в лагере и познакомился с вольноопределяющимися и многими офицерами. Первые — исключительно образованные и хорошие люди — многие лицеисты и даже однокурсники мои, вторых не много, так как полк считается дорогим, но те, которых я знаю, и в особенности во 2-м эскадронном, куда я хочу поступить, — хотя молодые, но хорошие. Этим эскадронном командует Сафонов⁴ — лицеист, курсом старше меня, им очень доволен Мейердорф⁵ — командир полка, он же хороший знакомый, а может быть, и родственник Бюлеров.

Полк отлично содержится, служба — легко-кавалерийская, и я имею право поступить, как лицеист, и возможность — через Бюлеров. Баронесса⁶ приехала сегодня, барон⁷ приедет во вторник, и я уверен, что не откажет мне в этом.

Таким образом, если я поступлю в этот полк, то я совершу при исключительно благоприятной обстановке поход, воздержаться от которого я не могу считать даже желательным. (Странно: между теми, которые в полку и которые, таким образом, обязаны идти — я не заметил особого энтузиазма при известии о мобилизации.) Впрочем, пожалуй, действительно, нужно много продумать и прочувствовать, чтобы стать на ту высоту, с которой, по-моему, нужно смотреть на эту войну и свои обязанности и желания; вообще в Петербурге и, по-видимому, в Москве настроение несколько унылое, я уже тебе изложил те великие, в сущности, причины, которые меня побуждают идти в поход, рассмотрим теперь препятствия, которые этому могут противиться:

1. Дипломатическая карьера моя, начавшаяся довольно удачно, не пострадает, так как при начале мирных переговоров я снимаю мундир и берусь за перо — если буду в состоянии писать, и если даже вакансия 3-го секретаря, которую мой возможный выход откроет, будет замещена, то я все же устрою так, чтобы сохранить старшинство и следующим попаду во 2-е секретари в свою очередь. А раньше лет 2 или 3 мне нельзя, во всяком случае, стать 2-м секретарем по ходу производства. Я же хочу быть 2-м секретарем в Канцелярии, ибо тогда можно поступить прямо секретарем в большое посольство. Затем мой — все-таки похвальный поступок — может меня скорее выдвинуть вперед, чем вообще повредит мне.

2. Будущей моей общественной деятельности — как гласной или — кто знает? — члена Петербургского парламента⁸ — это не повредит.

3. В денежном отношении поход мне будет стоить меньше, чем жизнь в Петербурге — Впрочем, о делах в другом месте.

Наконец, last but not least⁹, по отношению к сестрам и к тебе. Сестры¹⁰, если даже я бы не вернулся из похода, в материальном отношении не потеряются. Две уже замужем — остальных легче будет пристроить — а мое имущество по равным частям каждой сестре — им будет полезно.

Ты же, если ты меня любишь — и, как я полагаю, уважаешь, — ты не откажешься благословить меня на дело, которое, в сущности, велико и свято. Ты сам любишь нашу родину и сам для нее немало поработал, дай же и мне потрудиться для нее, пока я молод, там, где теперь всего нужнее живые силы.

Я не уеду раньше двух недель, но так как полк с командиром выступает 1 или 2 августа, а все формальности должны быть выполнены при Мейендорфе — то прошу тебя мне ответить по телеграфу — Мойка, 81. До получения твоего ответа я не сделаю никакого официального шага.

Прости меня за то огорчение, которое по необходимости это письмо должно тебе причинить. Но сам подумай. Ты знаешь, что я не легкомыслен. Я много об этом вопросе думал, и я чувствую, что я прав. Ты, может быть, найдешь, что я слишком легко отношусь к своей жизни и к возможности быть раненым. Нет. Но мне и не жаль было бы в подобном случае пожертвовать собою, но ведь выходят же и здоровыми из сражений.

Горячо тебя любящий сын твой

Николай Чарыков

ГА СО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 55–59 об.

¹ Отец Н.В. Чарыкова *Чарыков* Валерий Иванович (1817–1885) — тайный советник; с 1864 г. самарский уездный предводитель, с 1867 симбирский вице-губернатор, с 1869 вятский, с 1875 минский губернатор, с 1879 г. на пенсии. Первая жена — дочь самарского помещика Д.А. Путилова Аделаида Дмитриевна (?–1861). В браке имел сына Николая и четырех дочерей — Екатерину, Надежду, Аделаиду, Ольгу. Второй раз женат на дочери генерал-лейтенанта Д. Заседского — Марье Дмитриевне. См.: Государственный архив Кировской области. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337. Л. 15–15 об.; Ф. 582. Оп. 28. Д. 364. Л. 1–229; ГА СО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 78. Л. 46 об., 75 об.

Любопытно отметить, что в своих воспоминаниях Николай Валерьевич почти не упоминает, а в биографическом очерке о своем отце совсем не упоминает о своей мачехе, хотя в письмах регулярно называет ее «милая Мамаша». Зато о своей родной матери Н.В. Чарыков отзывается в воспоминаниях чрезвычайно тепло: «У меня есть ее портрет-миниатюра, изображающий ее в девять лет, и она выглядит на нем бледной, худенькой девочкой с большими коричневыми глазами и задумчивым взглядом, на ней платье с вырезом и корсет, как было принято в то время, она ведь родилась в 1835 году.

Моя мама не только научила меня читать и писать, но раскрыла передо мной двери в русскую и зарубежную поэзию и прозу, дав мне книгу, которую я до сих пор бережно храню, — великолепную русскую «Хрестоматию» Галахова» (*Tcharykow N.V. Glimpses of high politics*. P. 31–32). (Здесь и далее перевод Л.А. Пуховой.)

² Действительно, Николай Валерьевич оказался, можно сказать, в самом центре дипломатической жизни Министерства иностранных дел: «Вся политическая корреспонденция относительно Европы и Соединенных Штатов проходила через это учреждение, где, помимо директора и вице-директора, числились еще девять секретарей и обычно два или три атташе. Мы должны были делать копии дипломатической переписки князя — конечно, от руки, поскольку в то время никто еще не думал о печатных машинках — и шифровать, и расшифровывать все политические телеграммы» (*Tcharykow N.V. Glimpses of high politics*. P. 97).

³ Речь идет о *Бюлере* Петре Федоровиче. Подробных сведений обнаружить не удалось.

⁴ В воспоминаниях Н.В. Чарыков упоминает, что Сафонов являлся его «старшим лицейским однокашником» (*Tcharykow N. V. Glimpses of high politics*. P. 109).

⁵ *Мейендорф* Феофил Егорович (1838–1919) — барон, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. С 1870 г. командующий Тверским драгунским полком, с 1874 лейб-гвардии Гусарским полком, участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., в 1884–1892 гг. командир 2-й кавалерийской дивизии. В 1892–1896 гг. состоял для особых поручений при главнокомандующем войсками гвардии и Петербургского военного округа, с 1896 г. командир 1-го армейского корпуса, участвовал в Русско-японской войне, в 1906–1917 гг. состоял при императоре.

⁶ *Бюлер* Мария Петровна (урожд. Черкасская; 1830–1893).

⁷ *Бюлер* Федор Андреевич (1821–1896) — российский правовед, дипломат, действительный статский советник, барон. С 1851 г. секретарь генерального консульства в Молдавии и Валахии. С 1856 г. управляющий особой канцелярией МИД. С 1873 г. директор Московского главного архива. По его инициативе начал выходить «Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел» (М., 1880–1893; пять выпусков). Автор многочисленных исторических трудов.

⁸ В воспоминаниях Николай Валерьевич отмечает: «Если бы в России было конституционное правление, конечно, я бы постарался войти в парламент. Но несмотря на надежды и ожидания моего отца, вопрос о российской конституции остался нерешенным, и я думал, что если к тому времени, когда она будет дарована народу, я стану полномочным министром, я, наверное, смогу найти там себе место. Моей мечтой было предстать в один прекрасный день перед российским парламентом в качестве главы Министерства иностранных дел» (*Tcharykow N. V. Glimpses of high politics*. P. 90).

⁹ Последнее по порядку, но не по значению (*англ.*).

¹⁰ У Н. Чарыкова было четыре сестры: Екатерина, Аделаида, Надежда и Ольга.

2

2 августа 1877 г.

Санкт-Петербург

Дорогой отец,

Так как я зачислен в виде особой милости в действующий полк, который выступает сегодня в ночь, то мне приходится сделать в четыре дня все приготовления к неопределенно продолжительному походу. Поэтому я не могу теперь побеседовать с тобой так, как мне бы хотелось, по поводу тех многочисленных вопросов, которые возбуждаются моим отъездом и твоими письмами, я ограничусь кратким изложением положения моих дел.

Я сделал на случай моей смерти завещание*, которым предоставляю тебе все мое имущество, движимое и недвижимое. Ты так много заботился о его приобретении и укреплении, что та финансовая помощь, которую такое наследство

* «Родовое поместье завещать нельзя, я только выразил точным и полным образом мои желания на этот случай». — *Примеч. Н.В. Чарыкова.*

может тебе оказать, будет лишь делом справедливости. Завещание это ты найдешь между моими бумагами в ящике № 1, бумаги же эти, пожалуйста, вскрой *только* в случае уверенности в моей смерти, ты там найдешь следы моей жизни и моей мысли за последние 10 лет. К сожалению, я не успел их привести в полный порядок.

Управление Богдановкой я, ввиду вышесказанного распоряжения, прошу *тебя* принять на себя.

5 августа я буду в Москве, до 6-го утром, в Орле — 7-го, от 9 до 11 часов утра, в Жмеринку — 11-го, в Сирьяни — 24-го. Мой адрес — Унгенская почтовая контора Главного штаба действующей армии, в лейб-гвардии Гусарский полк, 2-го эскадрона вольноопределяющемуся Чарыкову для писем.

Я тебе приготовил доверенность на заведывание всеми моими делами: продавать, закладывать, получать, занимать деньги с правом передоверить для единичных случаев.

Положение моих дел следующее.

Богдановская контора обязана мне доставлять в год 6000 р. или 500 в месяц, что она приблизительно и делает. В прошлом 1876 г. я занял в Самарском обществе взаимного кредита 2000 р., которые уплатил в срок, заняв для этой цели чрез учет векселя Кати и Михаила Михайловича Шошина¹ 2000 р. в Самарском общественном банке сроком по 17 декабря сего 1877 г. Так как я при этом имею дело с Катей, то я полагаю, что никакого затруднения не окажется «переписать» этот вексель и долг еще на 1 год, внесши проценты.

Затем в июне сего года ввиду необходимости прудить на Кинеле новую плотину, которая конторе уже обошлась в 4000 р. (контора обязана представлять подробную о сем ведомость) — я занял у Александра Аристарховича Путилова² в Самаре 3000 р. на 6 месяцев, т. е. до 1 декабря — считая и грационные дни³ — под соло-вексель⁴.

Если, как я то предполагаю, контора даст к 1 декабря 2000 чистого дохода — сверх ежемесячных 500 р., то я хотел уплатить в срок 2000 р. и 1000, или переписать еще на 6 месяцев или на год, или уплатить, заняв потребную сумму в Обществе взаимного кредита, где мне открыт уже давно кредит в 8000 р. и лежат 200 р. Если же контора не даст ожидаемого излишка ввиду чрезвычайной дороговизны плотины, то я хочу им все 3000 переписать с Александром Аристарховичем Путиловым на 6 месяцев или на год или же воспользоваться моим кредитом в Обществе взаимного кредита, чтобы, приплатив 100 р. и проценты, получить на 6 месяцев — 3000 р. Это было бы выгоднее, но требовало бы некоторых хлопот по приисканию лица, векселя которого принялись и можно было бы учесть в Обществе. Сношения по этим делам с А.А. Путиловым можно вести через Катю и Михайловича.

Я обязался платить в 1873 г. 400 р. ежегодно на Богдановское училище⁵. Также обязан платить 200 р. в год Владимиру Павловичу Безобразову⁶ за «Сборник государственных знаний»⁷.

Более ни платежей, ни полученных у меня нет.

2 августа

Я воспользуюсь кредитом в Сам<арском> общ<естве> взаим<ного> кр<е- дита>, чтобы занять теперь же 2000 р. через Катю на поход. Так как за всеми рас- ходами у меня оставалось мало наличных денег, то я занял у бар<она> Федора Андреевича Бюлера 300 р. Эти деньги я попросил бы тебя выслать барону в Мо- скву — в Архив, не дожидаясь получения моих 2000 — из коих их вычтешь при получении. Этим меня крайне обязал бы.

Я тебе приготовил доверенность на заведывание всеми моими делами: про- давать, закладывать, получать, занимать деньги с правом передоверить для еди- ничных случаев на время моего отсутствия. Конечно, ты можешь препоручить ведение на месте этого дела Мих<аилу> Мих<айловичу> Шошину или другому кому. В прилагаемой записке изложено положение моих денежных дел. В будущем году нужно будет строить вновь мельницу. Дал 1000 р. чистыми. Поддерживай Юнусова⁸ в его борьбе против мошенника волостного старшины и писаря — с Н<иколаем> Сер<геевичем> Путиловым⁹. Об училище я на случай смерти поза- ботился.

Якова взять нельзя. Прими его к себе на 12 р. в месяц — из моих денег, если он тебе бесполезен.

Чтобы иметь денег в походе, я прошу Катю занять мне под мой вексель в Сам<арском> общ<естве> взаим<ного> кредита 2000 р. Ты бы мне их прислал следующим путем: банкир Горвиц¹⁰ — д<иректо>р Международно- го банка, кот<орый> помещается в С<анкт>-П<етербурге>, Английская на- бережная, имеет при каждом полку провиантного агента. Если все 2000 р. в Межд<ународном> банке в С<анкт>-П<етербурге>, то мне доставит банк же тратту¹¹, и я буду пользоваться через агента в полку кредитом на 2000 р. (Я был в банке и там это определительно узнал. Они перешлют мне и деньги, и тратто через своего агента в полку.) и буду совершенно спокоен. Катя вышлет тебе 2000 р. или около того, а ты распорядись мне их доставить выше сказан- ным способом.

Буду писать тебе как можно чаще и телеграфировать.

Напиши граф<ине> Канкриной¹² и проси 200 р. послать тебе.

Прощай, прости меня за огорчение, которое тебе я причинил.

Любящий тебя сын твой

Николай Чарыков

Поцелуй, пожалуйста, за меня милую Мамашу и сестер, как увидишь.

Сестрам будешь помогать разделить между ними Богдановку.

На 200 р. гр<афа> Канкрин¹³ выкупи билет и вышли Кате. Обратный вексель Путилова при сем прилагаю. Так как молодой бар<он> Бюлер остается в резерв- ном эскадроне, то я взял те вещи, которые он приготовил для похода, — за них я ему должен заплатить 100 р., которые также прошу тебя вычесть из 2000 р. и вы- слать в Царское Село, Лейб-гусарский полк, 5-й эскадрон, барону Бюлеру, и если только можно, то не дожидаясь 2000 р. Барон Бюлер, когда увидел, что я иду в по-

ход, решительным образом был крайне добр, сам ездил <к> Мей<е>ндорфу и мне сделал много хорошего. Я не желал бы задержкой в возврате одолженных им мне денег отплатить ему за доброту.

ГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 66–70 об.

¹ Сведений установить не удалось.

² *Путилов* Александр Аристархович (годы жизни установить не удалось) — самарский помещик, отец — Аристарх Азариевич Путилов (брат отца матери Николая Валерьевича Дмитрия Азариевича Путилова (1802–1860)), мать — Елизавета Николаевна Хардина; являлся председателем Самарского ссудно-сберегательного товарищества на Дворянской улице, в доме Варпаховского (см.: ГА СО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 91).

³ *Грационные дни* — льготные дни, предоставляемые законом либо для исполнения обязанности вексельным должникам, либо для реализации прав вексельным кредиторам; время течения грационных дней не может расцениваться как просрочка ни со стороны должника, ни со стороны кредитора.

⁴ *Соло-вексель* — вексель, на котором имеется только одна подпись лица, обязанного совершить платеж.

⁵ Школа в Богдановке была основана отцом Николая Валерьевича. «Мой отец настаивал на особенной важности дела образования и основал первую из школ в Богдановке, в одном из домов из состава помещичьей усадьбы. Когда я достиг совершеннолетия, я был назначен земским школьным советом куратором школы. Его совет назначил курировать эту школу, и он помог земству и крестьянам построить для школы собственное двухэтажное здание. В течение сорока лет я курировал, как только мог, работу этой школы» (*Tcharykow N. V. Glimpses of high politics*. P. 67).

⁶ *Безобразов* Владимир Павлович (1828–1889) — экономист, публицист, академик. С 1869 г. чиновник по особым поручениям при Министерстве финансов. В 1868–1874 гг. преподавал в Императорском Александровском лицее финансовое право и политическую экономию. Автор 24 научных монографий и более 90 публицистических статей, заметок, фельетонов в различных периодических изданиях.

⁷ «*Сборник государственных знаний*» — ежегодник, издававшийся под руководством В.П. Безобразова в Санкт-Петербурге в 1874–1880 гг. Всего вышло восемь томов.

⁸ Сведений установить не удалось.

⁹ Сведений установить не удалось.

¹⁰ Сведений установить не удалось.

¹¹ *Тратта* — финансовый документ, составленный в строго упорядоченной форме, который содержит безусловный приказ кредитора (трассанта) заемщику (трассату) об уплате в оговоренный срок определенной суммы денег, обозначенной в векселе, третьему лицу (ремитенту) или предъявителю векселя.

¹² *Канкрин* Елена Дмитриевна (урожд. Башмакова; 1829–1899) — графиня, крестная мать Н.В. Чарыкова (см.: *Tcharykow N. V. Glimpses of high politics*. P. 28).

¹³ *Канкрин* Александр-Фабиан Егорович (1822–1891) — граф.

20 августа 1877 г.

Бивуак в Скулянах на румынской границе

Дорогой отец,

Вчера получил твое письмо, прибыв сюда после 6-дневного форсированного перехода из Жмеринки.

До Жмеринки полк ехал поэскадронно по железной дороге — и благодаря любезности офицеров, впустивших вольноопределяющихся в свои вагоны 1-го и 2-го классов, — мне было очень хорошо ехать. От Жмеринки шли верхом 230 верст. Погода была самая благоприятная, но днем, во время переходов, бывало чрезвычайно жарко и пыльно. Все страдали от жары. Я пил местное красное вино и воду — прескверную — с лимонною кислотой. Эту мысль мне дал один жид в Домисте за Могилевым на Днестре, и все-таки с 13 августа и до сих пор я не мог напиться досыта. С водой приходится быть очень осторожным. Здесь, в бессарабских степях, колодцев мало и вода теплая и соленая. Ты, впрочем, знаешь ощущение жажды, бывши в Палестине и Египте¹. Здесь, в Скулянах, я нашел настоящий портер², который я пью с большим удовольствием. Сегодня или завтра приедет генерал Гурко³, начальник дивизии — мы его встретили на дороге в Жмеринку, сделает нам смотр, и, должно быть, вскоре затем мы выступим в Румынию. Сегодня загорал и купался в р. Прут, которая здесь составляет русскую границу.

Для меня, собственно, до сих пор поход кажется, несмотря на все свои неприятные трудности — 40-верстный переход верхом по южной жаре, — очень приятным отдыхом и своеобразной прогулкой, в которой одним из наиболее приятных элементов является сознание полной безответственности. В Петербурге, в Канцелярии, у меня были обязанности по отношению к дипломатическому начальству и по отношению к обществу, которые, хотя или именно потому, что были скорее нравственными, чем юридическими, были для меня безусловно обязательны и тем самым отягчительны. Здесь же, будучи официально простым рядовым и имея рейткнехта⁴ — дядьку, который чистит и седлает лошадь и исполняет прочие мелкие или строевые обязанности, и не имея никакого командования, я только по сигналу сажусь на лошадь и слезаю, еду шагом или рысью, одеваюсь по форме, что нетрудно — и затем никаких обязанностей не ведаю. Это то, что будто я отдался под опеку, и право, для разнообразия подобный отказ от индивидуальной независимой жизни имеет свои приятные стороны⁵.

Я тебе уже телеграфировал, что Якова взять нельзя. Это значит, что 1) закон и дисциплина не позволяют рядовому иметь слугу и 2) практически почти невозможно не только рядовому, но и офицеру иметь с собой слугу, который бы не был вместе с тем денщиком казенным, следствием для него нужна лошадь, для лошади нужны перевозочные средства, нужен фураж, а достать это и многое другое, что иметь необходимо, едва ли возможно. Эту мысль <следует> вполне оставить — по крайней мере до тех пор, пока меня не произведут в офицеры.

Ты мне ничего не пишешь о моем займе в 2000 р., о котором я подробно писал тебе и Кате. Еще раз повторю: перед отъездом из Петербурга я послал Кате в Самару мой бланковый вексель на 2000 р. для того, чтобы Катя взяла для меня из Самар<ского> общ<ества> взаимного кредита, где у меня не погашен кредит в 8000 р., — 2000 р., которые и переслала тебе для доставки мне. Я не могу представить никаких затруднений для этой простой операции, которая для меня существенно важна, так как взятые мною из Петербурга на исходе, а деньги необходимы.

До сих пор не известен точным образом наш дальнейший маршрут. Но во всяком случае мы придем рано или поздно, т. е. через две недели или через месяц в район власти главнокомандующего Дунайской армией — <великого> к<нязя> Николая Николаевича⁶. Поэтому я прошу тебя *все деньги для меня* высылать мне следующим образом: пошли их кредитными билетами — если в Минске нельзя достать золота или золото очень дорого — в Петербург, в Канцелярию Министерства иностранных дел, 3-му секретарю Владимиру Александровичу Винтулову⁷. Тот отправит деньги русскими золотыми под видом expedition officielle⁸ в главную квартиру к <великому> к<нязю> Николаю Николаевичу с фельдъегерем, который туда отправляется из Канцелярии три раза в неделю, на имя командующего 2-м эскадронном Лейб-гусарского полка Поручика Сафонова, моего командира и товарища по Лицею, который мне передаст этот пакет. Так как он будет *казенный*, это не потеряется. Это самый верный путь. Через Международный банк — долго и неверно. Я сегодня пишу Винтулову, с которым еще в Москве сговорился насчет этого. Если бы встретились затруднения получить сказанные 2000 р., то не можешь ли ты выслать мне сначала рублей 500, а затем и остальные — мне необходимо, чтобы по крайней мере 500 р. были бы мне высланы через Канцелярию до 4 сентября. Так как ты теперь заведешь всеми моими делами, то и весь доход ты получай и высылай мне все тем же вышесказанным путем.

Относительно мельницы я не желал бы сам строить — будучи в отсутствии, хотя сделал к тому приготовления, оставаясь в Петербурге, — я предполагал употребить 4000 деньгами, а остальное из своего леса. Но так как Сер<гею> Семеновичу⁹ одна плотина обошлась этим летом в 4000 р., то лучше ему не давать строить мельницу, а то он ее вгонит в 8000 р. и более, что мне не по средствам. Поэтому я бы хотел сдать мельницу на 18 лет за 2500 р. На 18 лет выгоднее сдать, чем на 12 или 15, потому что все равно и после 15, и после 18 лет придется ее строить вновь. Но необходимо выговорить: 1) право молоть конторский хлеб в неограниченном количестве бесплатно, 2) чтобы платеж аренды начался не со времени окончания перестройки, а с момента подписания условия, 3) ограниченное количество леса на плотину, от конторы, 4) неустойку в случае нарушения условий. Еще один очень важный вопрос — сдача Угла Богдановки Обществу. Я хочу, чтобы оно сняло на 6 лет сенокос, пастбище и 200 десятин пашни по-прежнему за 1600 р. в год, но с *обязательством не открывать своего кабака*, что избавило бы меня от платежа 500 р. ежегодных за кабак Обществу. Общество этого не хочет и сняло на 1877 год одно пастбище за 800 р., остальное разошлось по частям и дало мне более 2500 р., они же открыли свой кабак. На торгах (!) летом контора

приобрела на 1878 год исключительное право держать питейное за 700 р. (если не ошибаюсь, 1 января снова наступил срок для сдачи Угла). Так как Угол необходим Обществу, то я хотел бы все-таки провести мои мысли: при сдаче Угла обеспечить на несколько лет вперед Богдановку от сосуществования двух кабаков, соблюдая при этом выгоду конторы.

Мой адрес для писем следующий: *Лейб-гусарский его величества полк, вольноопределяющемуся Чарыкову. Через Унгенскую почтовую контору.* Это единственный верный адрес.

Таким образом, я рассчитываю получить от тебя через Канцелярию М<инистерства> и <ностранных> дел в начале сентября или 1600 р. — русским или французским золотом (2000 р. за вычетом денег, возвращенных тобой Бюлерам) или — если получение этой суммы будет замедлено, то по крайней мере рублей 500 в той же форме и тем же путем. Иначе мне придется плохо. Вообще же, до этих пор, пока я не найду более удобного способа пересылки мне денег, пересылай их мне, пожалуйста, этим путем и чем чаще и чем больше — тем, конечно, лучше.

21 августа

Сегодня прибыл сюда генерал Гурко, начальник нашей дивизии. Он нам сделал смотр на равнине на берегу Прута¹⁰. В нашей дивизии, кроме Л<ейб>-гусарского полка, состоят: Гродненский гусарский полк, 2 Уланских, Драгунский, Конно-гренадерский и Казачий корпус на Дунае и конная артиллерия. Войска отличные. Ночью прошел дождь, жара спала, и пыль убавилась. Вчера прибыл сюда новый вольноопределяющийся охотник граф Бобринский¹¹ — с 3-го курса С<анкт>-П<етербургского> университета. Вчера же я здесь встретил сына товарища м<ини>стра ин<остранных> дел Гирса¹², который поступил на время войны в Уланский полк охотником — тому назад три недели я его видел у Гирса в Петергофе и никак не ожидал встретить в Скулянах. Впрочем, таких неожиданных встреч теперь много.

Надеюсь, что Яков привез в Минск в целости все мои книги и бумаги в запечатанных ящиках. Он мне служил очень хорошо, и если я вернусь из похода, то непременно возьму снова его к себе.

Много раз тебя целую, прошу поцеловать милую Мамашу и сестер.

Горячо тебя любящий сын

Николай Чарыков

ГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 78–82 об.

¹ В воспоминаниях Н.В. Чарыков отмечает: «Он (отец Н.В. Чарыкова. — Л.П.) путешествовал часто и в дальние страны, — на Ближний Восток, в Западную Европу и даже в Северную Америку, откуда и привез в Богдановку цветную литографию Ниагарского водопада» (*Tcharykow N. V. Glimpses of high politics*. P. 65).

² *Портер* — темное английское пиво с характерным винным привкусом и сильным ароматом солода.

³ Ромейко-Гурко Иосиф Владимирович (1828–1901) — военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1894), член Государственного совета (1886). В 1862–1866 гг. флигель-адъютант свиты его императорского величества, с 1866 г. командир 4-го гусарского Мариупольского полка, в 1869–1874 гг. командир лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, одновременно (до 1875 г.) бригады 2-й (с 1875 г. начальник) кавалерийской дивизии. Участвовал и отличился в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., в 1879–1880 гг. временный петербургский генерал-губернатор, в 1882–1883 гг. командующий войсками Одесского округа и временный одесский генерал-губернатор, в 1883–1894 гг. командующий войсками Варшавского военного округа и варшавский генерал-губернатор.

⁴ Рейткнехт — солдат, назначавшийся для ухода за офицерскими лошадьми. Чарыков очень тепло отзывался о своем «дядьке» в мемуарах: «Солдат по фамилии Щесюк, который исполнял обязанности моего денщика, был превосходным товарищем и хорошим поваром». Отмечает он также, что «с Щесюком, моим денщиком, мы во время нашего похода делили на двоих всю нашу еду и питье, как братья» (*Tcharykow N. V. Glimpses of high politics. P. 133*).

⁵ В своих воспоминаниях Н.В. Чарыков развивает эту мысль: «Я не знаю, что чувствовали другие, но я помню, что спрашивал себя, правильно ли я сделал, что отправился на эту войну, и отвечал себе со всей решительностью — Да. В то время, как я уже упоминал, у меня не было никакого личного интереса в сохранении своей жизни для политической карьеры, и я был готов погибнуть, лишь бы помочь достичь тех целей, за которые боролась моя страна. Случится так или нет, это было уже не моим делом и не в моей ответственности: записавшись в армию, я сам отказался от своей свободной воли и был обязан подчиняться приказам и воле моих военных командиров... Мне было вполне удобно, что мое поведение было четко определено узкими рамками солдатского долга» (*Tcharykow N. V. Glimpses of high politics. P. 111–112*).

⁶ Николай Николаевич (1831–1891) — великий князь, третий сын императора Николая I, генерал-адъютант (1856), генерал-фельдмаршал (1878), член Государственного совета (с 1855 г.). С 1851 г. на службе в лейб-гвардии конном полку, с 1852 г. командующий бригадой, с 1856 г. — дивизией гвардейской кавалерии, в 1852–1891 гг. генерал-инспектор по инженерной части, с 1859 г. командир гвардейского резервного кавалерийского корпуса, с 1861 г. — отдельного гвардейского корпуса, в 1864–1880 гг. командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, в 1864–1891 гг. генерал-инспектор кавалерии, в 1877–1878 гг. главнокомандующий Дунайской армией.

⁷ Сведений установить не удалось.

⁸ *Expedition officielle* — официальная экспедиция (*фр.*).

⁹ Сведений установить не удалось.

¹⁰ «Он сказал нам — и я передаю его точные слова: «Я надеюсь, что не все вы вернетесь, потому что это означало бы, что вы не будете воевать». Это были жесткие слова. Подобные вещи обычно не говорят неопытным солдатам в начале кампании. Но они пошли нам на пользу, заставив относиться серьезно к нашей экспедиции, и никоим образом не уменьшили нашей неколебимой уверенности в том, что мы выиграем эту войну» (*Tcharykow N. V. Glimpses of high politics. P. 110*).

¹¹ Бобринский Владимир Александрович (1853–1877) — поручик, убит во время Русско-турецкой войны. Отец — Бобринский Александр Алексеевич (1821–1903), обер-гофмейстер (1890); в 1861–1864 гг. губернатор Санкт-Петербургской губернии. Мать — Софья Андреевна (урожд. Шувалова; 1829–1912).

О ранении, которое привело к гибели графа, Чарыков вспоминает так: «Поскольку мой полк располагался как раз там за городом, я остановился на полчаса и узнал побольше о том, как вчера у наших гусар была стычка с несколькими черкесскими всадниками после занятия Орхани. Владимир Бобринский без особой необходимости вышел на линию

огня, он взял ружье и начал стрелять, когда черкесская пуля поразила его в колено. Его с братом сразу отправили в центральную больницу в Богот, около Плевны, где он умер несколько дней спустя от столбняка, начавшегося из-за его раны» (*Tcharykow N.V. Glimpses of high politics*. P. 125).

¹² *Гирс* Николай Карлович (1820–1895) — русский дипломат, действительный статский советник (1878), почетный член Петербургской академии наук (1876). В 1850 г. 1-й секретарь миссии в Константинополе, в 1851 г. управляющий консульством в Молдавии, в 1853 г. директор канцелярии полномочного комиссара в Молдавии и Валахии, с 1856 г. генеральный консул в Египте, с 1858 г. генеральный консул в Молдавии и Валахии, с 1863 г. чрезвычайный посланник в Тегеране, с 1867 г. — в Берне, с 1872 г. — в Стокгольме, с 1875 г. управляющий Азиатским департаментом и товарищ министра иностранных дел, в 1882–1895 гг. министр иностранных дел.

Гирс Михаил Николаевич (1856–1932) — русский дипломат, гофмейстер, тайный советник (1905). Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., с 1894 г. младший советник МИД, с 1897 г. посланник в Бразилии, с 1899 г. посланник в Китае, в 1902 г. — в Баварии, с 1903 г. — в Румынии, с 1911 г. посол в Константинополе, с 1915 г. — в Риме. При генерале П.Н. Врангеле старший дипломатический представитель в Комитете защиты русских беженцев во Франции. Затем — председатель Совещания послов в Париже.

4

10 сентября 1877 г.
Александрия

Дорогой отец,

Вчера полк прибыл сюда и сегодня стоит на дневке. Отсюда в Шимницу на Дунае, а там уже на самое место сражения. Я тебе послал, по обычаю, поздравительную телеграмму 7-го вечером, из Бухареста. Я там получил твое письмо из Пинска, теперь ты уж конечно поправился от этого несчастного случая, хотя, не получая телеграмм от тебя, я боюсь, что ты еще не вернулся в Минск. Я рад, что Яков тебе пригодился, и буду очень доволен если — при случае — ему можно будет оказать и мне подобную услугу. Приехать до Александрии очень легко — прямо по железной дороге. Здесь можно узнать, где какой полк, и вообще собрать всякие сведения.

Ты теперь должен был уже получить от М<ихаила> М<ихайловича> 1928 р. Я тебе очень благодарен за 2100 р., которые ты для меня занял. Я их еще не получил, но к тому времени, когда это письмо к тебе дойдет, уже, вероятно, получу. С этим деньгами я могу прожить довольно долго, так как — как говорят — за Дунаем расход самый незначительный. Так как, по моим справкам, у Горвица не было (7 сент<ября>) для меня денег, то я полагаю, что теперь *все* деньги (2100) передали Нелькину¹. Поэтому я телеграфировал Нелькину, чтобы он через Румынский банк в Бухаресте — его агентов — переслал мне все деньги. Так как телеграммы я в Бухаресте от Нелькина не получил, то поручил Румынскому банку, получив деньги, мне их доставить через агента Горвица, который постоянно с нами.

Поход через Румынию, на Яссы, Фокшаны, Рымник, Бухарест сюда был гораздо легче, чем через Бессарабию в Яссы. На пути много городов — очень порядочных — где можно было есть и пить, и за исключением двух дней погода стояла и стоит отличная. Из Плоешти мой эскадронный командир разрешил мне ехать в Бухарест, пробыть там два дня и приехать прямо в Михалешты. Я провел два дня в Бухаресте, наслаждаясь удобствами цивилизованного житья, пил кофе из чашки, ел ножом и вилкой хорошие кушанья, ездил в рессорном экипаже и слушал музыку Гуно. Я поехал туда с Гирсом — уланом — сыном тов<арища> мин<и>стра и<ностранных> д<ел>. Мы отправились вместе к генеральному консулу, барону Стюарту², тот предложил представиться канцлеру³. Кн<язь> Горчаков, который там живет с апреля месяца, нас принял. Когда я вошел, он стоял у окна и, узнав меня, сказал между прочим, что из записок, которые я ему представлял, можно было ожидать, что я поступлю в военную службу. Затем он сказал, что если бы ему было 20 лет, он сам пошел бы в солдаты. Наконец, он весьма милостиво обещал меня снова принять к себе после окончания войны. Вообще, я никак не ожидал подобного приема. Через несколько часов я его встретил на улице — он ехал кататься с бар<оном> Жомини⁴. Он меня узнал, остановил коляску, и подозвал меня, и сказал, что будет смотреть, как будет проходить уланский полк со мной. Действительно, он более часа простоял в воротах консульства, пока проходили войска. Мне в особенности приятно было то, что в его глазах мое поступление в полк было действием вполне последовательным, а не капризом от скуки. Пиши мне как можешь часто, письма доходят хорошо.

Если богдановские дела тебя тяготят, то передай *непосредственное заведование* ими Кате. Я думаю, она согласится. Я получил письма от Дели и Нади — постараюсь им отвечать. Поцелуй, пожалуйста, Мамашу и Надю, если увидишь. Мой поклон всем минским.

Горячо тебя любящий сын

Н<иколай> Чарыков

ГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 92–93 об.

¹ Сведений установить не удалось.

² *Стюарт* Дмитрий Федорович — в 1876–1878 гг. дипломатический агент и генеральный консул, в 1878–1879 гг. министр-резидент в Бухаресте.

³ *Горчаков* Александр Михайлович (1798–1883) — князь, дипломат. С 1842 г. был посланником в Штутгарте при королеве Вюртембергской, с 1850 г. уполномоченный при Германском союзном сейме во Франкфурте-на-Майне, с 1854 г. посланник в Вене, с 1856 г. министр иностранных дел Российской империи.

⁴ *Жомини* Александр Генрихович (1814–1888) — барон, русский дипломат. Сын известного военного теоретика Генриха Жомини (1779–1869). Был старшим советником Министерства иностранных дел. По окончании Крымской войны Жомини ездил с особыми поручениями в Берлин, а в 1861 г. — в Париж; в 1875 г. управлял вместо государственного канцлера Министерством иностранных дел; во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. состоял в Бухаресте при князе Горчакове; в 1879 и 1880 гг. исполнял должность товарища министра иностранных дел.

5 октября 1877 г.
между Систовом и Тырновом

Дорогой отец,

Я только что получил твое письмо от 22 сентября. Первое условие твоего здоровья и довольства, к счастью, исполнено даже сверх ожидания, — здоровье мое превосходно, несмотря на то что я недавно провел более недели под дождем в грязи — в палатке из шести солдатских полотнищ, втроем с двумя другими вольноопределяющимися¹. С тех пор как мы перешли из бивуака на квартиру в ту деревню, погода переменилась и теперь стоит совершенно летнее время.

В ожидании передвижения — куда? — неизвестно — я здесь веду жизнь точно где-нибудь на даче или в деревне. Живу втроем с Соловьевым² и гр<афом> Бобринским — племянник по матери гр<афа> П.А. Шувалова³, а по отцу — бывшего министра путей сообщения⁴ — весьма образованный и хороший 20-летний юноша — охотник с третьего курса С<анкт>-П<етербургского> университета; мы живем в болгарской избе, очень чистой, как все здешние избы, едим у полкового маркитанта, иногда бывают ученья, которые меня очень интересуют. Я купил себе кавказскую лошадку, на которой я разъезжаю по окрестностям — я был недавно на р<еке> Янтре и видел всю долину этой реки, окаймленную к югу высокой группой Балканских гор, местами покрытых снегом.

Таким образом, до сих пор поход хотя и представляет некоторые трудности, однако все-таки оказывается менее трудным, чем я ожидал. Теперь уже мне лично будет все легче потому, что скоро меня должны произвести в офицеры или по экзамену, или за отличия, я уже отслужил мой срок рядовым — 2 месяца. Наконец, вышло высочайшее повеление, в силу которого все вольноопределяющиеся, выслужившие сроки, — мой срок кончится 1 ноября — производятся при первом отличии, то есть, в сущности, при первом деле — в корнеты своих полков, а офицеры имеют и лучшую палатку, и вьючных лошадей, и чемодан, и походную кровать, и особого денщика, вообще весьма существенные удобства.

Службу я теперь знаю порядочно — езжу с уверенностью и довольно хорошо, и в случае нужды мог бы и командовать⁵. Вообще я думаю, что поход до сих пор для меня весьма хорошая вещь. Согласно твоему желанию я тебе сегодня телеграфирую, пользуясь оказией в Горном Студене, где помещается главная квартира и телеграф, и буду тебе телеграфировать по возможности каждую неделю. Я написал Кате, прося ее принять непосредственное наблюдение за богдановским хозяйством — судя по письмам, которые я от нее получил, я не сомневаюсь в ее согласии. Ты уж все-таки не откажись остаться верховным судьей в крупных хозяйственных вопросах, которые могут возникнуть там в мое отсутствие.

Поезжай в отпуск в Одессу, в Крым, телеграфируй мне о своем отъезде и адресах. Тебе поездка должна казаться очень желательной после твоей экстренной

работы в Минске. Сейчас объявили здесь, что Мухтар-Паша⁶ разбит наголову. Слава Богу — не есть ли это начало конца? Много раз тебя целую, прошу поцеловать Мамашу и сестер.

Любящий тебя сын

Н<иколай> Чарыков

ГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 95–96 об.

¹ Карандашом подписано: «Соловьев и Бобринский». Возможно, что подписал отец Николай Валерьевича, Валерий Иванович Чарыков.

² Сведений установить не удалось.

³ *Шувалов* Павел Андреевич, граф (1830–1908) — государственный и военный деятель, дипломат, член Государственного совета (1896). Участвовал в Крымской войне, с 1859 г. военный агент во Франции, с 1861 г. исполняющий дела директора Департамента общих дел Министерства внутренних дел, с 1867 г. начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, с 1877 г. командующий 2-й гвардейской пехотной дивизией, принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., с 1879 г. командир Гренадерского, с 1881 г. — Гвардейского корпуса, в 1885–1894 гг. посол в Берлине, в 1894–1896 гг. варшавский генерал-губернатор.

⁴ Имеется в виду *Бобринский* Александр Алексеевич (1823–1903) — генеалог, граф, обер-гофмейстер, член Государственного совета (1896). Входил в специальный Комитет для строительства Николаевской железной дороги, вице-директор хозяйственного департамента Министерства внутренних дел.

⁵ В воспоминаниях Чарыков с юмором описывает, как вступал в полк: «Я был горд вступить, с перспективой получения офицерского звания через три месяца, в этот великолепный полк легкой гвардейской конницы, в котором служили несколько моих молодых друзей и знакомых. Его командир, полковник барон Богдан Егорович Мейендорф, которому я представился, с готовностью принял меня, но не раньше, чем проверив, как я езжу верхом. Должно быть, я выглядел довольно забавно, когда уселся в седло на лошадь какого-то рядового, — а второй эскадрон как раз только что вернулся со строевых учений — одетый, как был, в мой обычный гражданский костюм: синее пальто с ласточкиным хвостом и серебряными пуговицами, с моей первой наградой — итальянским крестом в петлице; белый галстук, высокий шелковый цилиндр, длинные черные брюки и ботинки из лакированной кожи» (*Tcharykow N. V. Glimpses of high politics*. P. 109).

⁶ *Ахмед Мухтар Паша* (Гази Ахмед Мухтар Паша) (1832–1919) — турецкий генерал, сын султана Абдул-Азиса (1830–1876). В 1870–1871 гг. принимал участие в подавлении восстания в Йемене, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. руководил боевыми действиями на Кавказском фронте, с 1879 г. командующий турецкими войсками на границе с Грецией, с 1885 г. османский верховный уполномоченный в Египте, в июле — октябре 1912 г. великий визирь.

24 октября 1877 г.
деревня Махалата, близ Плевны

Дорогой отец,

После трех недель переходов и столкновений с неприятелем я теперь нахожусь здесь, где полк простоит некоторое время на отдыхе. Не теряя времени, пишу тебе, а то очень может быть, что опять придется долго пробывать в походе. Как я тебе телеграфировал, первое дело было при взятии Телиша с 12 по 16 октября. 12-го полк в ночи выступил из Беженова и на рассвете выехал к ложементам, которые турки уступили на возвышенности по Софийскому шоссе. Неприятель открыл по обыкновению очень частый оружейный огонь по нас, но пули почти все перелетали, и были ранены один офицер и конногвардеец Трепов¹ и трое или четверо рядовых. Открывши неприятеля, мы стали на левый фланг для прикрытия батареи, которая начала обстреливать укрепления, а так как Трепов выбыл из строя, то мне поручили командование 2-м взводом, что я и делал до окончания сражения. Прошлось довольно долго простоять под огнем, впрочем, не очень частым, и мы еще потеряли нескольких рядовых ранеными — одного ранили в живот как раз сзади меня — я стоял перед серединой взвода². Дело 12-го кончилось, как известно, взятием Горного Дубника, но Телиш оказалось невозможным взять с наличными в то время силами. Егерский полк отступил, а мой и Драгунский занял позицию на высоте у деревни Ракита, очень важной в стратегическом отношении. Там мы простояли в виду неприятеля, ни разу нас не тревожившего, до 16-го числа, когда Телиш был наконец взят после жаркого 4-часового артиллерийского боя. Наш полк преследовал далеко бежавших турок, а через три часа отправился на аванпост под Плевной. Плевну трудно взять — это группа крутых гор, командующих плоской равниной, на доступных нападению пунктах построены укрепления — в нас пустили пять гранат — а войска спрятаны в горах в середине, однако не отчаиваются заставить ее сдаться.

Пробыв на аванпостах двое суток без потерь в людях, мы отправились сюда и вскоре пошли к подножию Балкан на крупную фуражировку, пригнали много скота, захватили довольно много оружия — я взял себе на память шашку, и теперь отдыхаем, ожидая нового назначения.

До сих пор и боевая жизнь, как до настоящего времени походная и бивачная, оставила меня вполне здоровым, хотя приходилось довольно сильно утомляться, напр<имер>, перед Телишем мы пять дней не снимали амуниции — то же было и во время трехдневной фуражировки. На счастье, страна здесь всюду так богата скотом и живностью и припасами всякого рода, что пищи сколько угодно, и солдаты наши кормятся гораздо быстрее и лучше, чем дома в мирное время, — это очень хорошо³. Время также очень благоприятное — теперь конец октября — по старому стилю, а погода стоит прекрасная, как редко бывает у нас в конце августа. Однако я запасаясь по возможности теплыми вещами. Здесь мне шьет болгарин тулуп для ношения под шинелью, готовы овчинные сапоги, чтобы спать ночью,

но все-таки я бы очень желал получить из России следующие вещи: 1 пару вязаных теплых перчаток из английского магазина, 1 пару теплых (на меху) кожаных перчаток, 1 пару шерстяных чулок до колен, 1 пару новых вязаных кальсон и 1 шелковую вязаную рубашку, 1 пару гусарских сапог на байке или, если можно, на меху. В.А. Винтулов мне пишет, что берется мне доставить эти и тому подобные вещи, я ему пишу сегодня, прося их купить или кому и как заказать и выслать, а деньги ты, пожалуйста, ему доставь, сколько будет следовать. С этими вещами и теми, которые я здесь приобрету, можно будет не бояться зимней кампании.

Я переписываюсь с Катей о богдановских делах и встречаю с ее стороны самое предупредительное участие и содействие, чему очень радуюсь. Богдановские доходы будут накапливаться в банке и идти на уплату по векселям — мне не потребуются денег раньше января. Я трачу вдвое меньше, чем в Петербурге, несмотря на страшную дороговизну привычных вещей, самых необходимых.

Я получаю много писем, которые все очень исправно доходят, поэтому письмо из заграницы, о котором ты меня уведомляешь, можно безопасно вложить в частный конверт и переслать по адресу: *г. Унгены, в действующую армию, в л<ейб>-гв<ардии> Гусар<ский> е<го> в<еличества> полк* — мне оно дойдет. Пожалуйста, пиши мне по возможности, подумай только, какую радость составляет для меня получать твои письма... [Далее страница испорчена, недоступен для прочтения текст в три строки.]

ГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 99–100 об.

¹ *Трепов* Дмитрий Федорович (1855–1906) — генерал-майор (1900), генерал-майор свиты (1903). Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., с 1896 г. исправляющий должность московского обер-полицмейстера, с 1900 г. московский обер-полицмейстер, с 1905 г. Санкт-Петербургский генерал-губернатор, одновременно товарищ министра внутренних дел, заведующий и командующий отдельным корпусом жандармов, позже — дворцовый комендант.

² Из воспоминаний Н.В. Чарыкова: «Если бы турки целились лучше — фактически, если бы они вообще целились — то ничего бы не осталось от нашего эскадрона, который наступал рысью и плотными колоннами. Но турки, застигнутые врасплох, стреляли беспорядочно» (*Tcharykow N. V. Glimpses of high politics*. P. 112).

³ Из воспоминаний Н.В. Чарыкова: «Я никогда не забуду того энтузиазма, с которым встречали нас во всех болгарских деревнях, через которые мы проезжали. При нашем появлении мужчины, женщины и дети выбегали, чтобы приветствовать нас, принося с собой хлеб, куриц, мед и лучшее из всего, что у них было. Они даже целовали наших лошадей и наши ноги, зная, что после пятисот лет турецкого гнета они никогда не должны будут снова называть их своими хозяевами... Я никогда не предполагал, насколько трудно поймать курицу руками. Мне мешал мой длинный кавалерийский плащ и тяжелая шашка... В оставленных турками деревнях наш эскадрон собрал приблизительно двести голов скота и большое количество овец и коз, и даже много свиней, больших и маленьких, хотя я должен признать, что не знаю, как эти животные там оказались, поскольку мусульманам не позволено есть свинину» (*Tcharykow N. V. Glimpses of high politics*. P. 122).

30 ноября 1877 г.
дер<евня> Лещ близ Орхание

Дорогой отец,

Я получил твое последнее письмо третьего дня после продолжительного перерыва, в продолжение которого я ни от кого не получал известий. Я этому письму очень обрадовался, тем более что по нему видно, что все благополучно и у тебя, и у всех наших. Ты хоть немного отдохнул, съездив в Одессу. Деля и новая Оля здоровы. Надя тоже. Телеграфировать тебе, как ты просишь, — нет возможности. Телеграфа, где бы принимали частные депеши, нет ближе Богота, я тебе телеграфировал на днях благодаря представившейся случайной оказии, при первом случае я буду еще телеграфировать. Письма же можно теперь отправлять довольно легко.

Вчера мы перешли с бивака впереди Орхание сюда, и вчера же мы получили радостную весть, что Плевна сдалась. Это было часов в 9 утра. Внезапно послышалось далекое ура, все громче и громче, офицеры выбежали из палаток, я тоже — вижу, скачет в карьер какой-то драгунский офицер, махает фуражкой, которую держит в руке вместе с нагайкой, и кричит: «Плевна взята!» Поднялось такое ура, какое мне до сих пор не приходилось слышать. Какое влияние взятие Плевны будет иметь на нас и вообще на назначение отряда г<енерала> Гурко, — мы еще не знаем — большинство теперь желает быстро идти вперед, я лично того же мнения.

Последнее время нам живется очень хорошо. Быстро пробившись через первую гряду Балканских гор, мы попали в защищенную с севера Орханийскую долину, где до сих пор тепло, хотя по ночам бывает мороз. Целую неделю мой 3-й взвод содержал летучую почту между Етрополем и Орхание, и я поэтому свободно разъезжал по долине, был 2 дня в Етрополе — небольшой горный городок, и был в Орхание через несколько часов после занятия его нашими войсками. Затем я провел двое суток на посту на шоссе в Араб-Конак — между тремя убитыми турками, которых некому было хоронить, и многими трупами лошадей. Впрочем, как-то привыкаешь даже к виду мертвых тел — и смотришь на них почти так же, как смотришь на обломки телег, на брошенные снаряды и обрывки амуниции и на прочие предметы, которые остаются на месте, где была битва¹.

Вследствие характера местности для кавалерии нет пока боевой деятельности, но зато она теперь, как и вообще в эту кампанию, чрезвычайно полезна в менее блистательной, но не менее важной роли разведчика и стража. Так, мне привелось быть в том нашем разъезде, который первый разведывал Лаковицкое ущелье, по которому вслед за тем прошли семеновцы и стрелки в обход главной позиции турок на первом гребне Балкан, а этим обходом было обеспечено движение наших войск вплоть до Орхание. Теперь же вот уже вторую неделю я хожу с эскадронном каждые три дня на сутки на аванпосты к подгорию Етрополь-Балканы, западная часть которого еще не очищена турками. Мне известно частным образом, что меня вместе с двумя другими вольноопределяющимися — Соловьевым и Ле-

венстерном² — представили к производству в офицеры прямо в Лейб-гусарский полк без экзамена «за отличие» на основании, вероятно, известного тебе приказа, так что, должно быть, к Рождеству мы будем произведены, если будем живы. Я бы хотел получить офицерский чин лишь перед самым концом кампании, оттого что мое теперешнее положение чрезвычайно приятное — я пользуюсь почти всеми материальными выгодами офицерства, кроме вьюка и денщика — и не несу никаких обязанностей — ни солдатских, ни офицерских, разве как сегодня утром пошлют со взводом на фуражировку — а офицеры дежурят, ездят за приказаниями, в командировки — и так как в нашем полку их мало, — почти постоянно заняты разными небоевыми служебными обязанностями.

По отношению к пище нам все это время было отлично — приехал маркитант и два полковых повара, готовили сытные, хотя и не художественные обеды для офицерской артели, в которую приняты и мы. После кратковременного расстройства желудка — от плохого питания перед взятием Орхание — я теперь совсем здоров и положительно за поход довольно много пополнил. Вообще больных у нас пока никого. Гр<аф> Бобринский — полковой адъютант — ранен во время рекогносцировки — его брат, мой товарищ, повез его в Петербург. Очень тебе благодарен за 200 р., у меня, впрочем, еще остается более 1000 франков в полковом ящике. Пиши мне чаще. Поцелуй от меня Мамашу и Надю.

Горячо тебя любящий сын

Н<иколай> Чарыков

ГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 101–103 об.

¹ Из воспоминаний Н. Чарыкова: «Я могу добавить здесь, что раненые, которые попали в руки туркам, были в те дни замучены и убиты башибузуками, то есть турецкими нерегулярными войсками, теми самыми войсками, действия которых расценивались как “болгарские злодеяния”. Поэтому мы нашли изуродованные трупы российских солдат в близлежащих кукурузных полях после того, как Телиш был взят, — и эта сцена стала основой для впечатляющей батальной картины Верещагина. Мои друзья-добровольцы и я решили не попадать живыми в руки турок, так что я всегда держал в кармане маленький револьвер, привезенный из Петербурга специально для этого» (*Tcharykow N. V. Glimpses of high politics*. P. 113).

² Сведений установить не удалось.

8

25 декабря 1877 г.

дер<евня> Раковица, Софийская долина

Дорогой отец,

с тех пор, как я тебе писал, мы перешли через Балканы и теперь находимся на последних склонах Малых Балкан к Филиппопольской долине. Переход был чрезвычайно тяжелый: наша дивизия шла 36 часов, ведя лошадей в поводу по тропин-

кам через Умургачские высоты — перевал в 3600 футов — по глубокому снегу при самой неблагоприятной погоде — снежный дождь, метель. Я, слава Богу, остался здоров, но многие и солдаты, и офицеры поотмораживали себе ноги и позаболели. Зато все эти усилия не пропали даром — вследствие этого обходного движения турки очистили Араба-Конак и тем открыли проход по шоссе через Балканы, а вчера занята нами София.

Действительно, трудная часть кампании началась с наступлением зимы — около 10 декабря. Начались морозы, впрочем, небольшие — в Орхание до 10° Р, а здесь не более 4–5 градусов¹, глубокий снег, скользкие дороги, а теперь вследствие отсутствия маркитантов и частых передвижений приходится переносить действительные лишения по отношению к пище, хотя собственно голода, постоянного отсутствия питания — нет — благодаря богатству здешней страны всякой живностью.

Пока готовилось это обходное движение, мне пришлось принять участие в интересной разведке около деревни Чурьяк, которая сделалась главным пунктом всего плана действия. Эта деревня находится за перевалом, на одном из редких путей к долине, помимо занятого неприятелем шоссе. Эту деревню требовалось удерживать до того времени, когда будет разработана дорога на перевал, однако ж не возбуждая внимания турок, чтобы не выдать всего плана. Поэтому в Чурьяк посылались каждый день сначала по взводу, позже по полуэскадрону гусар и улан — по очереди на помощь полуэскадрону астраханских драгун, который там стоял, не сменяясь. Черкесы постоянно беспокоили этот отряд, пока не попали в засаду, устроенную драгунами, и потеряли человек 7 и несколько лошадей убитыми и ранеными. Затем они 3 дня не показывались. На 4-й день была очередь нашего полка идти в Чурьяк, и т. к. мой взвод послали за сеном, я поехал с 4-м взводом туда. Переход очень трудный, и лошади, и я часто падали, к счастью, без повреждений, но собственно перевал ниже и менее недоступен, чем Умургачский. В тот вечер приехал в Чурьяк начальник штаба 3-й пехотной дивизии полковник Ставровский² с умным планом окончательных разведок, которые требовалось произвести на следующий день. Мне назначено было исследовать дорогу-спуск к Софийскому шоссе влево от деревни Потоп. Утром взвод драгун и я с взводом выступили. Подъезжая к Потопу, наездники заметили на горе на левой стороне ущелья людей. Взводы отвели за бугор, а я с двумя солдатами поехал вперед, чтобы разведать положительным образом неприятеля и вызвать огонь. Оказалось, что вершина горы, спуск, долина и самая деревня заняты пехотой, которая в ту минуту, когда мы подъехали, медленно наступала. Я подвигался вперед, высматривая все это, а турки все не стреляли, хотя обыкновенно они начинают стрелять с больших расстояний. Наконец, когда я выехал на бугор, с которого видна была внизу деревня и даже слышна устная команда, вдруг с полугорка влево вспыхнул дымок. Как было условлено, мы сейчас начали отступать, и вследствие условий местности мне пришлось проскакать с полверсты под огнем, который они открыли с полугорка из долины. Я начал было считать, сколько свистело пуль, но вскоре выстрелы стали так часты, что нельзя было не сбиться со счета. Наконец мы выехали вне выстрелов — они все были перелет, и остановились, наблюдая.

Мы, подвинувшись ближе, снова открыли огонь, и мы снова отступили, и тут же подошли к двум драгунам, поставленным на часах. Так как в это время полковник был налево на горе, которую было крайне важно исследовать, то нужно было ждать его возвращения. Когда он начал спускаться, четверо пеших, спустившихся в кусты, дали по нам залп — тоже безвредный. Мы отодвинулись назад, вне выстрелов, и затем по приказанию полковника выставили правильную цепь, с которой я и остался до сумерек. Когда мы выставили цепь, турки сыграли сигнал тревоги и стали рыть ложементы на горе при входе в Потоп. Вместе с тем они перестали наступать — предполагая, должно быть, что мы составляли авангард целого отряда пехоты. Вообще, эта рекогносцировка оказалась настолько удачной, что полковник Ставровский остался особенно доволен гусарским полукэскадром, я же доволен тем, что мне пришлось доказать на деле мою мысль о выгоде иметь в рядах войск возможно большее число интеллигентных элементов.

Это было 10 декабря. 19-го мне пришлось быть опять на интересной разведке. В этот день происходил штурм арабо-конакской позиции с юга войсками, перешедшими 17-го через Балканы. Во время атаки, которую производила пехота, послали взвод драгун и 3-й взвод 2-го эскадрона — мой — в тыл неприятелю, чтобы узнать, занято ли и укреплено село Дольные Комарцы на дороге из Златицы к Араба-Конаку. Мы влезли на гору и рассмотрели это село — верст 10 от того места, откуда нас послали, и только что стали съезжать, чтобы въехать в самую деревню, как подошла вся бригада. Вскоре она наткнулась на пехоту и, побывавши в деревне, вернулась на ночлег. Наконец, на днях я ездил с разъездом в деревню Дочановок <по> Софийско-Филиппопольскому шоссе — верст 8 отсюда, и взял в плен одного турецкого пехотинца — оказалось, что он прожил 20 дней в этой деревне, нагоняя страх на жителей своим ружьем — Пибоди³ — и ничего не платя. У него оказалось полное солдатское снаряжение и франков 60 денег. Он не оказал никакого сопротивления, и его в тот же вечер отправили в штаб дивизии с другими 10, которых забрали в окрестностях.

Таким образом, после отдыха в Орхание начался для меня период усиленной работы, который, вероятно, продолжится до окончания военных действий, если они кончатся под Филиппополем, а не Адрианополем.

Телеграфировать тебе не было возможности с тех пор, как мы выступили из Орхание — и я не знаю, когда снова представится к этому возможность, писать же я в первый раз могу сегодня, и то только потому, что нам дали день отдыха — день Рождества. Живу я в избе с офицерами — совсем на офицерском положении, что, однако, не исключает всяческих неудобств и лишений. С сегодняшнего дня мы все вольноопределяющиеся вступаем в очередь для отправления всех офицерских служб, кроме дежурства по полку, сегодня я ходил в штаб дивизии за приказами.

Газеты я получил все до 18 ноября включительно, я тебе за них искренне благодарен, они доставили мне истинное удовольствие. Надеюсь, что когда получится почта, я снова получу газеты, может быть, до первых чисел декабря, и это будет большая радость. Винтулов мне пишет, что послал мне вещи и деньги с маршевым эскадром, но, к сожалению, этот эскадрон, вероятно, останется в Кишиневе,

так что не знаю, когда я все это получу. Впрочем, относительно теплых вещей я кое-как устроился, только жаль, что нет теплых сапог. Впрочем, чем дальше, тем будет теплее. Так как скорого возвращения трудно предвидеть, то, чтобы дать Мих<аилу> Мих<айловичу> Шошину возможность справиться с моими денежными делами, я ему высылаю доверенность заключать от моего имени заемные обязательства и подписывать векселя — у меня есть в Сам<арском> общ<естве> вз<аимного> кредита кредит в 8000 и в 200 р. вклада нетронутые, этим нужно воспользоваться, чтобы отсрочивать долги, которые богдановский доход не в состоянии оплатить в срок.

Поцелуй, пожалуйста, милую Мамашу, сестер, je ne leur ecris par ce n'est pas que je les oublie⁴.

Любящий тебя сын

Н<иколай> Чарыков

ГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 104–107 об.

¹ –12,5°; –5–6° по Цельсию.

² *Ставровский* Константин Николаевич (1846 — после 1917) — генерал от кавалерии (1907), член Военного совета (1914), полковник Генерального штаба, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1899–1906 гг. наказный атаман Уральского казачьего войска.

³ Армейская винтовка системы Пибоди — Мартини образца 1869 г.

⁴ Я им не писал, но это не значит, что я о них забыл (*фр.*).